

Прошло четыре года. В город_ у Старцева была уже большая практика. Каждое утро он спешно пр_н_мал больных у себя в Дялиже потом уезжал к городским больным уезжал уже не на паре а на тройк_ с бубенч_ками и воз(?)ращ_лся домой поз(?)но ноч(?)ю. Он пополнил ра(з, с)добрел и (н_)охотно ходил пешком так как стр_дал оды(ж, ш)кой. И Пантелеймон то(же) пополнил и чем он больше рос в ш_рину тем печ_льнее в(з, с)дышал и жаловался на свою горькую уч_с(?)ть езда одолела!

Старцев бывал в разных домах и встреч_л много людей но (н_)(с)кем (не)сходился бли(з, с)ко. Обыватели своими ра(з, с)говорами взглядами на жиз(?)нь и да(же) своим видом ра(з, с)др_жали его. Опыт научил его мало(по)малу что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже не глупый человек но стоит только заговорить с ним о чем(нибудь) нес(?)едобном (на)пример о политик_ или наук_ как он станов_т(?)ся в тупик или завод_т такую ф_л_софию тупую и злую что остаёт(?)ся только рукой м_хнуть и отойти. Когда Старцев проб_вал заговорить да(же) с л_б_ральным обывателем (на)пример о том что человечество слава богу идет (в)перед и что со врем_нем оно буд_т обходит(?)ся без паспортов и без смертной казн_ то обыватель глядел на него и(з, с)кос_ и (н_)доверч_во и спраш_вал Значит тогда всякий может резать на улиц_ кого угодно А когда Старцев в обществе за ужином или чаем говорил о том что нужно трудит(?)ся что без труда жить нельзя то всякий пр_н_мал это за упрёк и нач_нал сердит(?)ся и назойл_во спорить. При всём том обыватели (н_)делали (н_)чего решительно (н_)чего и (н_)интересовались (н_)чем и (н_)как нельзя было пр_думать о чём говорить с ними. И Старцев и(з, с)бегал ра(з, с)говоров а только закус_вал и играл в винт и когда заставал в каком(нибудь) доме семейный праз(?)ник и его пр_глашали откусать то он садился и ел молча глядя в тарелку и всё что в это время говорили было (н_)интерес(?)но (н_)справедливо глупо он чу(?)ствовал раздр_жение волн_вался но молчал и за то что он всегда сурово молчал и глядел в тарелку его прозвали в городе «поляк надутый» хотя он (н_)когда поляком (н_)был.

От таких развлечений как театр и концерты он укл_нялся но за(то) в винт играл каждый вечер часа по три с насл_ждением. Было у него ещё одно ра(з, с)влечение в которое он вт_нулся (н_)заметно мало(по)малу это по вечерам вын_мать из карманов бумажки добытые практикой и случалось бумаж_к жёлтых и зелёных от которых пахло духами и уксусом и ладаном и ворванью было понапих_(н, нн)о во все карманы рублей на сем(?)десят и когда соб_ралось (не)сколько сот он отвозил в Общество взаимного кредита и клал там на текущий счёт.

За все четыре года после от(?)езда Екатерины Ивановны он был у Туркиных только два раза, по пр_глашению Веры Иосифовны которая всё ещ_ лечилась от мигрен_. Каждое лето Екатерина Ивановна пр_езжала к родителям погостить но он (н_)видел её (н_)разу как(то) (н_)случалось. (По А.П. Чехову.)